

СТРАТЕГИИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ

М. А. Волкова

*Сибирский государственный университет науки
и технологий имени академика М. Ф. Решетнева*

Поступила в редакцию 1 сентября 2019 г.

Аннотация: рассматриваются актуальные вопросы участия России в глобальных цепочках создания стоимости, которые играют значительную роль в современной мировой экономике. Развитые и развивающиеся страны конкурируют между собой за возможность включения в указанные цепочки на стадиях, генерирующих значительную добавленную стоимость. На современном этапе встраивание российской экономики в ГЦСС характеризуется узко диверсифицированным, преимущественно сырьевым экспортом, значительным разрывом между интенсивностью участия отдельных российских регионов в ГЦСС, а также включенностью российских компаний в стадии ГЦСС, формирующие сравнительно небольшую внутреннюю добавленную стоимость. Особое внимание уделяется региональному аспекту проблемы интеграции российского бизнеса в ГЦСС, обосновывается необходимость разработки и реализации стратегий увеличения (локализации) внутренней добавленной стоимости. Приводится описание четырех стратегий локализации процессов формирования добавленной стоимости, которые могут быть реализованы в отдельных регионах в зависимости от параметров региональной экономики, таких как емкость внутреннего рынка, стоимость транспортировки продукции до внешних рынков, логистический, производственный, научный потенциал.

Ключевые слова: глобальная цепочка создания стоимости, добавленная стоимость, стратегия, региональная экономика.

Abstract: the article examines the issues pertinent to the integration of the Russian economy into global value chains which play a significant role in the modern world economy. Developed and developing countries compete each with other for the opportunity to be integrated into GVC on stages that generate high added value. At present, integration of the Russian economy into GVC is made on the basis of slightly diversified export items (most of it is raw materials), the large gap between regions regarding the level of integration into GVC and also the integration of Russian companies into GVC on the stages that form relatively small inner added value. The article tends an issue to the regional approach of the problem of including Russian business into GVC, it is considered the necessity of developing and implementing the strategies of increasing (localization) inner added value. The author describes four strategies of added value localization which could be implemented in different regions with the regards of such characteristics of regional economy like inner market value, transportation cost of shipping products to the foreign markets, logistic, production, scientific potential.

Ключевые слова: global value chain, added value, strategy, regional economy.

Интеграция в глобальные цепочки создания стоимости (далее – ГЦСС) дает широкие возможности для развития национальной экономики за счет включения в систему международной конкуренции, привлечения прямых иностранных инвестиций, создания новых рабочих мест в высокотехнологичных отраслях экономики. Одной из ключевых проблем, которая находится в фокусе зарубежных и отечественных исследований, посвященных ГЦСС,

является распределение между участниками цепочки добавленной стоимости и, соответственно, прибыли. Также многочисленные исследования посвящены изучению возможностей вхождения в ГЦСС на стадиях (в зарубежных работах используется термин «задача» (task)), которые позволяют генерировать высокую добавленную стоимость.

Распределение величины добавленной стоимости в рамках ГЦСС может отличаться в зависимости от сектора производства, формы фрагментации производства в принимающую экономику, уровня

социально-экономического развития формирующих ГЦСС стран. В 1992 г. Стэн Ши, основатель компании Aseer, описал процесс распределения добавленной стоимости в глобальных цепочках производства персональных компьютеров в виде кривой, напоминающей улыбку («улыбающаяся кривая») [1]. Впоследствии идея получила развитие в работах Рема Мудамби [2]. Он отметил закономерности в распределении деловой активности (задач) в рамках ГЦСС среди развитых и развивающихся стран: компании из развитых стран, как правило, задействованы на стадиях ГЦСС, находящихся по краям кривой, – базовые и прикладные исследования, дизайн, коммерциализация (восходящие потоки) и маркетинг, реклама, послепродажное обслуживание, специализированные услуги логистики (нисходящие потоки), генерирующие высокую добавленную стоимость; компании из развивающихся стран, так называемые *emerging markets*, осуществляют деятельность по производству промежуточных товаров и сборке готового продукта, а производство базовых элементов и сырья сконцентрировано в странах с низким уровнем доходов (рис. 1).

Р. Мудамби пришел к заключению, что компании из развивающихся стран, задействованные на стадиях (задачах), располагающихся в центре цепочки,

стремятся освоить новые технологии, овладеть компетенциями, которые позволят им перейти к видам деятельности, генерирующим большую добавленную стоимость. В зарубежных исследованиях, посвященных изучению проблем глобализации экономики и формированию ГЦСС, процесс перехода к выполнению задач и функций, генерирующих более высокую добавленную стоимость в рамках цепочки создания стоимости, принято обозначать как «усовершенствование» (*upgrading*) [3].

Вследствие стремления участников цепочки к «усовершенствованию», к постепенному отказу от видов деятельности, генерирующих низкую добавленную стоимость и с низкими входными барьерами, распределение добавленной стоимости в рамках ГЦСС не является статичным. В зависимости от вида товарной цепочки кривые ГЦСС могут приобретать разные формы. Например, существенная часть добавленной стоимости в сфере экспорта автомобилей ведущих немецких концернов приходится на стадию производства готового продукта, которая сконцентрирована преимущественно на территории Германии [4]. Это обусловлено успешным переходом автомобильной промышленности Германии от концепции массового производства к концепции «массовой кастомиза-

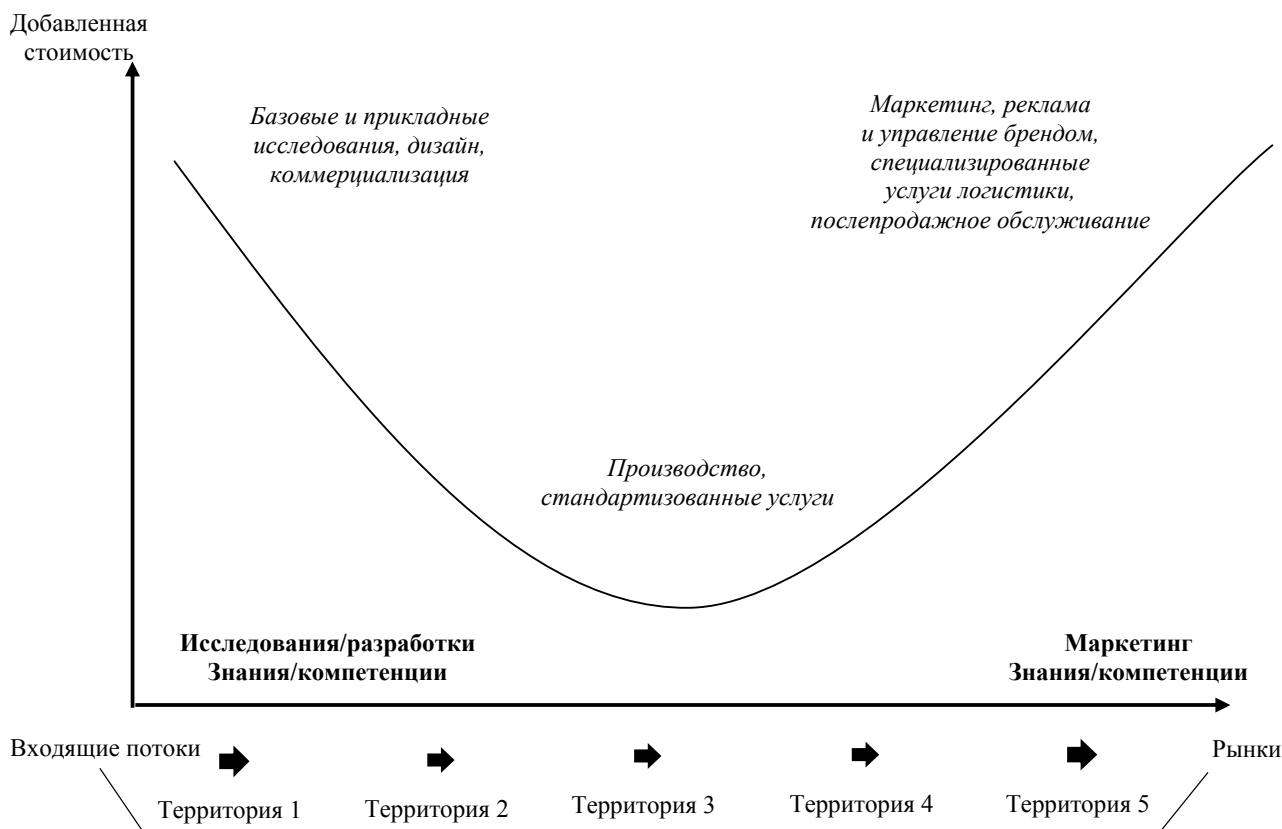

Рис. 1. «Улыбающаяся кривая» создания добавленной стоимости [2]

ции» (mass customizer), эффективному сочетанию индивидуального дизайна, цифровых технологий и интеллектуальных решений.

Таким образом, в современном мире как развитые, так и развивающиеся страны конкурируют между собой за возможность включения в ГЦСС на стадиях (выполнение определенных задач и функций), генерирующих высокую добавленную стоимость.

Российская экономика интегрирована в мировую преимущественно как поставщик углеводородного сырья и продукции металлургической промышленности. В соответствии с данными базы ОЭСР – ВТО TiVA (Trade in Value-Added) за 2014 г. (последние доступные значения показателей) существенная часть внутренней добавленной стоимости российского валового экспорта была сформирована в пределах таких отраслей, как разработка и добыча полезных ископаемых (29,6 %), производство металлов (15,22 %), производство кокса, нефтепродуктов (15,4 %), оптовая и розничная торговля (15,13 %) [5]. Фактически 80 % внутренней добавленной стоимости сформировано вне основных групп высокотехнологической продукции (производство компьютеров, электронных и оптических изделий, электрических машин и оборудования, автотранспортных средств и т. д.). На сферу услуг в распределении внутренней добавленной стоимости российского экспорта, за исключением оптовой и розничной торговли, приходится существенно меньшая часть, чем на указанные выше отрасли экономики: менее процента внутренней добавленной стоимости было сгенерировано российским бизнесом за счет предоставления финансовых услуг, услуг в сфере компьютерных технологий, организации исследований, инженерно-технических изысканий).

По мнению ряда отечественных экспертов, государственная экономическая политика должна быть направлена прежде всего на содействие интеграции в ГЦСС предприятий топливно-энергетического комплекса, уже имеющих сравнительно высокие конкурентные преимущества на рынках стран ЕС [6]. Добыча и переработка углеводородного сырья, как и металлургия, относятся к числу высокотехнологичных производств, а экспорт продукции добывающей промышленности с высокой долей внутренней добавленной стоимости может рассматриваться как одно из возможных направлений «совершенствования» позиций российского бизнеса в рамках ГЦСС. Вместе с тем ограничение стратегии интеграции российского

бизнеса в ГЦСС только данным направлением будет препятствовать переходу российских предприятий к наиболее коммерчески выгодным стадиям и бизнес-функциям в рамках цепочек создания стоимости, в том числе таким, как проведение прикладных исследований, предоставление маркетинговых, финансовых услуг, на которые в ГЦСС приходится существенная часть добавленной стоимости. К тому же для добывающей промышленности характерны одни из самых коротких цепочек добавленной стоимости, что означает меньшую фрагментацию производства и, соответственно, меньшее число стадий (задач), которые могут быть заняты российскими компаниями [7].

Доминирование в структуре российского экспорта продукции добывающей промышленности, нефтепереработки, металлургии, а также услуг в сфере оптовой и розничной торговли с традиционно высокой долей внутренней добавленной стоимости предопределило сравнительно низкую долю иностранной (ранее «ввезенной» на территорию страны в виде товаров и услуг) добавленной стоимости в экспортируемой продукции. Доля иностранной добавленной стоимости в российском валовом экспорте в период с 2005 по 2015 г. колебалась в пределах 9–11 % и по состоянию на 2016 г. составила 9,9 % от всей величины добавленной стоимости экспорта [8]. Данное значение существенно ниже среднего показателя по странам ОЭСР (25,3 %). Если провести сравнение с экономикой Китая, одной из наиболее успешно интегрировавшихся в ГЦСС стран, то там начиная с 2005 г. доля иностранной добавленной стоимости в экспорте страны постепенно снижалась и составила в 2016 г. 16,6 %. Сокращение величины иностранной добавленной стоимости в китайском экспорте эксперты связывают с переориентацией экономики страны на внутреннее производство компонентов и деталей, ранее ввозимых из-за рубежа, что особенно заметно на примере продукции информационно-телекоммуникационной сферы и электронной промышленности – существенных статей китайского экспорта. В России сокращение импорта иностранных деталей и компонентов в значительной степени было вызвано общим снижением экспорта продукции обрабатывающей промышленности, где выше доля иностранных промежуточных товаров. Отраслями, на которые приходилась наибольшая доля иностранной добавленной стоимости в российском валовом экспорте, стали производство автотранспортных средств (30,5 %), производство пластмассовых и резиновых

изделий (25,7 %) и текстильная промышленность (23,1 %) [8].

Российский бизнес представлен в ГЦСС не только в восходящих сегментах – начальных стадиях (задачах) производственного цикла, таких как производство сырья и полуфабрикатов, но и в нисходящих – на сборочных операциях и оказании услуг по послепродажному обслуживанию. Сборочные операции наиболее характерны для автомобилестроения, где широкое распространение получила практика «отверточной» сборки автомобилей иностранных марок (европейских, японских, южнокорейских). Незначительная часть автомобилей, собранных на заводах автоконцернов Volkswagen, Volvo, Peugeot, Citroen&Mitsubishi Motors и др., поступает на экспорт, основная же часть продукции ориентирована на внутреннее потребление. Распределение добавленной стоимости в указанных ГЦСС происходит таким образом, что благодаря трансфертному ценообразованию основные прибыли уходят в экономику зарубежных стран, транснациональным корпорациям, контролирующим глобальные производственные сети, а на стадии производства, в данном случае – сборки готовых узлов и агрегатов (assembly), генерируется существенно меньшая часть и добавленной стоимости, и, соответственно, прибыли [9].

В современных зарубежных исследованиях, посвященных изучению возможностей успешной интеграции национальных экономик в ГЦСС, отмечается, что для получения наибольшего числа положительных эффектов от включения в международную систему разделения труда недостаточно упрощения таможенных процедур, ликвидации входных барьеров на пути иностранного капитала, наличия уникальных природных ресурсов и дешевой рабочей силой. Первоочередное значение приобретает способность локального бизнеса, повышение производительности труда, приобретение необходимых знаний и компетенций для соответствия требованиям глобальных компаний – лидеров в своей сфере деятельности, контролирующих мировые финансовые и товарные потоки, переход к тем стадиям (задачам) и функциям в рамках цепочки, которые генерируют существенную добавленную стоимость, а впоследствии инициирование создания собственных товарных цепочек. В свою очередь формирование национальной инновационной инфраструктуры для стимулирования роста научных разработок, создание центров компетенций, непрерывное развитие национальной системы подготовки и переподготовки кадров являются одними из необходимых условий успешного включе-

ния российской экономики в ГЦСС на наиболее коммерчески выгодных стадиях (задачах) и обуславливает необходимость формирования и реализации государственной стратегии содействия интеграции российских компаний в ГЦСС.

Несмотря на то что разработка концепции государственной стратегии интеграции России в систему международного разделения труда признается рядом авторов в качестве одного из приоритетных направлений исследования [10], в работах отечественных экспертов (С. Б. Авдашевой, И. А. Буданова, В. В. Голиковой, А. А. Яковлева, Т. В. Андреевой, В. Б. Кондратьева, В. Е. Дементьева, Е. В. Устюжаниной, С. А. Лукьянова, И. М. Драпкина, П. А. Кадочникова, Е. Н. Ветрова, М. Р. Сафиуллина, А. А. Сафиной и др.) данная проблема изучена слабо. При этом работы указанных авторов охватывают либо макроуровень, оперируя общероссийскими показателями развития экономики, либо отраслевой уровень – анализируются особенности включения в ГЦСС предприятий черной металлургии, нефтегазового комплекса, пищевой промышленности и т. д. Следует отметить, что вне фокуса научных исследований остается региональный аспект данной проблемы, а именно изучение возможностей интеграции в ГЦСС российского бизнеса с позиции не только отраслевой принадлежности, но и потенциала экономики отдельных российских регионов (в данном случае под регионом мы понимаем субъект Российской Федерации).

Следует отметить, что приоритетной целью государственной политики регионального развития указано обеспечение «устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов, повышение конкурентоспособности экономики Российской Федерации на мировых рынках» [11]. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. одной из целей пространственного развития определяет повышение конкурентоспособности экономик субъектов Российской Федерации путем обеспечения условий для развития производства товаров и услуг в отраслях перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации [12]. Таким образом, решение задачи улучшения международной производственной специализации России в направлении повышения доли продукции с высокой долей добавленной стоимости напрямую зависит от перспектив реализации потенциала развития макрорегионов и субъектов Российской Федерации.

Разброс российских регионов по уровням социально-экономического развития, включая состояние производственного, научного, инновационного потенциала, весьма значителен. Основываясь на данных аналитических докладов, например, рейтингах социально-экономического положения субъектов РФ, которые с 2011 г. составляет и публикует агентство «РИА Рейтинг», эксперты констатируют сохранение значительной асимметрии в развитии российских регионов и ее рост [13]. Соответственно, на возможности регионального бизнеса интегрироваться в ту или иную ГЦСС оказывают сильное влияние такие факторы, как наличие у региона внешнеторговых связей со странами дальнего и ближнего зарубежья, расстояние до ближайших внешних рынков, ёмкость внутреннего рынка сбыта, наличие развитой транспортной инфраструктуры и ряд других характеристик региональной экономики.

Проблема оценки уровня включенности экономик отдельных субъектов Российской Федерации в ГЦСС состоит в недостаточности региональной статистики, характеризующей процесс создания добавленной стоимости, как это позволяют сделать данные базы ОЭСР – ВТО TiVA (Trade in Value-Added) на межстрановом уровне. Вместе с тем на основе анализа экспортных – импортных потоков, их географической и отраслевой структуры можно провести косвенную оценку уровня включенности экономики отдельных российских регионов в систему международного разделения труда.

Как показали результаты проведенного нами исследования, между российскими регионами существует значительный разрыв в степени интенсивности участия во внешнеторговых операциях, диверсификации отраслевой структуры экспорта и импорта, вовлеченности в торговые операции со странами ближнего и дальнего зарубежья [14]. Ряд российских регионов, в основном входящие в состав Северо-Кавказского федерального округа, практически не участвовали в рассматриваемом периоде в процессах международной торговли. Из числа регионов с высокими экспортными и/или импортными квотами большинство либо являлись крупными поставщиками углеводородного сырья (например, Сахалинская область, Республика Саха), продукции черной и цветной металлургии (Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область, Республика Башкортостан, Липецкая область), либо стали площадками для производства конечного продукта. (Калужская, Ленинградская, Московская, Калининградская области). В послед-

нем случае речь идет о сборочных производствах крупнейших автоконцернов из Японии, Европы, Южной Кореи и США, дочерних предприятиях компаний – мировых лидеров фармацевтической, химической, пищевой промышленности. Таким образом, российский бизнес из указанных регионов оказался включенным в ГЦСС на стадиях, генерирующих сравнительно невысокую добавленную стоимость: либо в самом начале цепочки создания стоимости, либо на завершающих стадиях.

Еще одной негативной тенденцией, выявленной нами в ходе исследования, стало отсутствие корреляции между объемом привлекаемых в экономику региона прямых иностранных инвестиций и «приходом» в страну новых технологий и знаний [там же]. Участие в ГЦСС во многих случаях не позволяет российским компаниям получить доступ к зарубежным технологиям, брендам и другой интеллектуальной собственности. Вместе с тем приход в страну иностранных производителей автотранспорта, бытовой, строительной техники негативным образом сказался на развитии отечественной инженерной науки [15].

Интеграция российского бизнеса, экономики российских регионов в систему международного разделения труда на более выгодных условиях, увеличение числа положительных эффектов на основе участия в ГЦСС (прямые иностранные инвестиции, повышение производительности труда, освоение новых компетенций, доступ к передовым технологиям) требует разработки и реализации стратегий увеличения (локализации) внутренней добавленной стоимости с учетом особенностей существующих продуктовых цепочек (а также перспектив формирования новых), потенциала регионального бизнеса и региональной экономики в целом.

В зарубежных исследованиях, посвященных проблемам ГЦСС, различают несколько типов «усовершенствования» в рамках цепочки создания стоимости, что подразумевает переход к задачам и функциям, генерирующим большую добавленную стоимость:

- функциональный – повышение производительности труда;
- «усовершенствование» продукта – переход к производству продукта с большей внутренней добавленной стоимостью;
- «усовершенствование» процесса – переход к методам производства и технологиям, которые позволяют повысить производительность труда и внутреннюю добавленную стоимость;

– межсекторальный – вхождение в новую продуктовую цепочку с более высокой добавленной стоимостью [16].

Авторы данной работы полагают, что указанные направления «усовершенствования» могут быть достигнуты за счет реализации стратегий локализации процессов формирования добавленной стоимости. При этом в качестве объекта управления в данных стратегиях предлагается рассматривать как отдельные хозяйствующие субъекты, так и целые сектора/сегменты региональной экономики, границы которых можно обозначить исходя из таких критериев, как уровень локализации процесса производства продукта (услуги) и уровень локализации рынка потребления продукта (услуги) [17].

Реализация стратегий локализации процессов формирования добавленной стоимости как составная часть механизма государственного регулирования экономики региона будет способствовать смещению приоритетов с поддержки отдельных отраслей на поддержку реализации отдельных за-

дач/функций в рамках ГЦСС на базе уже существующих или создаваемых компаний. Такое смещение акцентов станет определенным новаторством как для программ социально-экономического развития, разрабатываемых и реализуемых в субъектах Российской Федерации, так и для региональной составляющей национальных проектов.

На основе анализа международной статистики, а также проведенного ранее исследования интенсивности интеграции экономик субъектов Российской Федерации в процессы международного разделения труда авторами сформированы положения следующих стратегий локализации процессов формирования добавленной стоимости, которые могут быть реализованы на уровне российских регионов.

1. Локализация процессов формирования добавленной стоимости за счет вхождения в продуктовую цепочку на стадиях, относящихся к входящим потокам: производство деталей, компонентов и комплектующих в пределах региона (рис. 2).

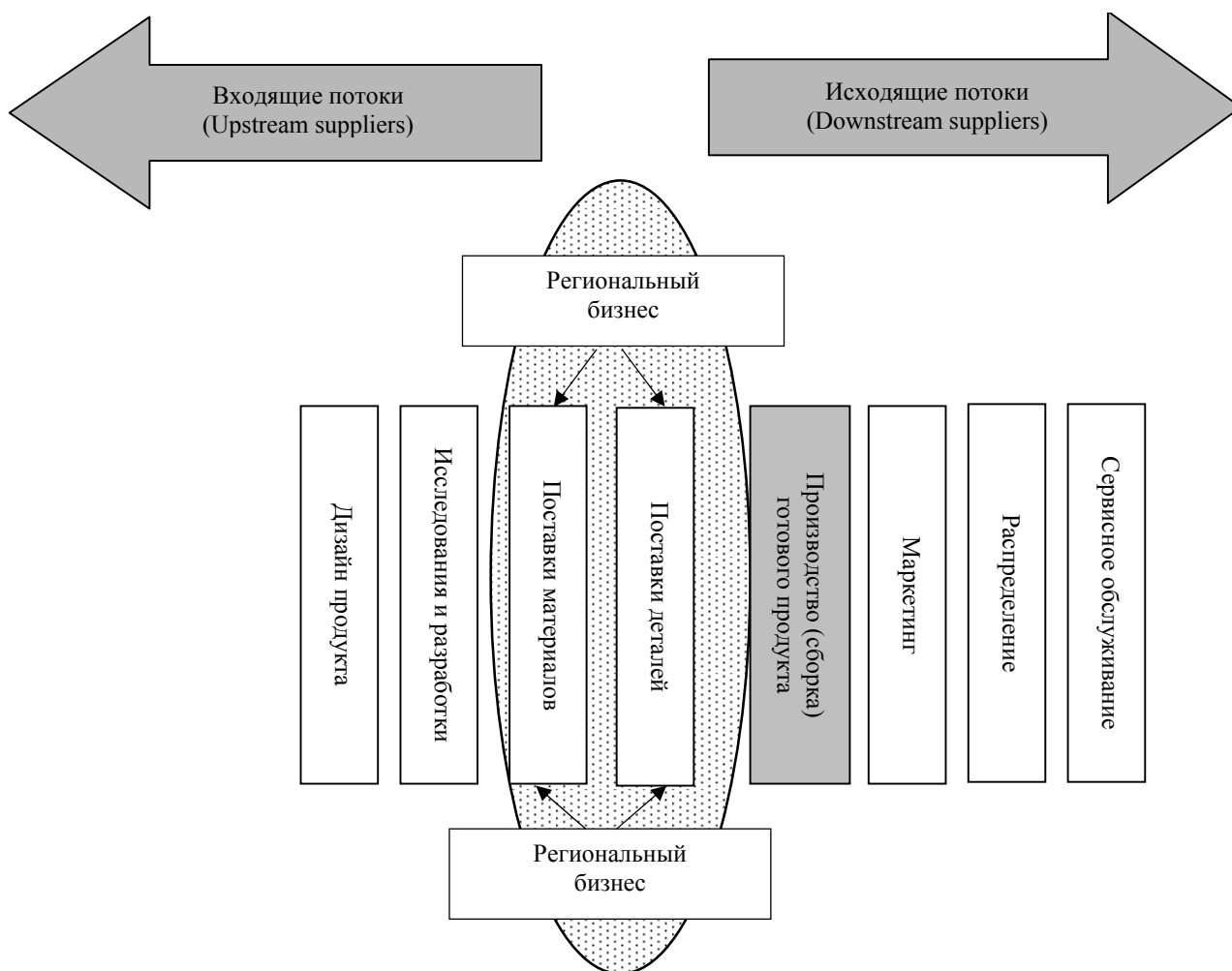

Рис. 2. Локализация процессов формирования ДС: включение во входящие потоки

Данная стратегия наиболее актуальна для российских регионов, на территории которых расположены дочерние предприятия крупнейших иностранных производителей автомобилей, строительной, бытовой техники, химической, фармацевтической промышленности (например, для Калужской, Самарской, Московской, Ленинградской областей).

Следует отметить, что до настоящего времени уровень локализации производства продукции зарубежных марок оставался сравнительно низким. В качестве примера можно привести завод «Тойота» в Санкт-Петербурге, который получает от российских поставщиков сиденья, стекло, ремни безопасности, жгуты проводов, а с 2014 г. кузовную штамповку и пластик, но не моторы, трансмиссию и электронику [15]. В этом отношении интересен опыт Китая: при создании зарубежными компаниями производственных площадок для организации поставок продукции не на экспорт, а на внутренний рынок китайское правительство настаивает на передаче прав на интеллектуальную собственность и достижении уровня локализации производства не ниже 80 %.

2. Локализация процессов формирования добавленной стоимости за счет вхождения в продуктовую цепочку на стадиях, относящихся к исходящим потокам: переход к более высокому переделу в рамках производственно-технологической цепочки (рис. 3).

Указанная стратегия может быть успешно реализована в регионах с развитой нефте- и газопере-

работкой, цветной и черной металлургией, обладающих емким внутренним рынком (емкость внутреннего рынка в данном случае оценивается с учетом емкости рынка соседних регионов), сравнительно невысокой стоимостью транспортировки до внешних рынков, высоким логистическим потенциалом (например, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Липецкая, Челябинская области).

Отдельные элементы данной стратегии описаны в работе М. Р. Сафиуллина, А. А. Сафиной, посвященной исследованию производственно-технологических цепочек в нефтегазохимическом комплексе Республики Татарстан [18]. Авторами обоснована необходимость и предложен алгоритм перехода к производству высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью – высокотехнологичной переработке пластмасс, т. е. переход к новой продуктовой цепочки. Фактически в отношении сектора/сегмента экономики Республики Татарстан «добыча и переработка нефти» в рамках выбранной стратегии предлагается осуществить такой тип «усовершенствования», реализуемый в рамках ГЦСС задач, как «усовершенствование» продукта (производство пластмасс, синтетических смол и на их основе пластмассовых изделий).

3. Локализация процессов формирования ДС за счет формирования сети поставок по отношению к одной из стадий продуктовой цепочки (рис. 4).

В исследованиях отечественных авторов, посвященных изучению ГЦСС, встречается понятие сети создания стоимости. Так, в работе В. В. Кар-

Рис. 3. Локализация процессов формирования ДС: включение в исходящие потоки

гинова, С. В. Тишкова, А. П. Щербака рассматривается возможность формирования сети создания стоимости в рамках реализации стратегии развития рыбохозяйственного кластера Республики Карелия. Данная сеть, по мнению указанных авторов, включает в себя поставщиков материалов, производителей готовой продукции, ее продавцов, а также фирмы-комплементаторы, производящие и реализующие сопутствующие товары [19].

В рамках данного исследования предлагается рассматривать сеть как совокупность поставщиков ключевых для стадии ГЦСС (уже локализованной в регионе) ресурсов (входящих потоков). Региональный бизнес становится участником новой цепочки создания стоимости, продукция которой востребована для функционирующих в регионе компаний, включенных в ГЦСС на стадии производства промежуточного продукта.

Возможности реализации данной стратегии можно проиллюстрировать на примере производ-

ства оборудования по нефтедобыче для крупнейших российских нефтяных компаний. Организация подобного производства возможна в регионах с высоким производственным и научным потенциалом, значительной удаленностью от внешних рынков и ограниченным внутренним рынком, наличием на территории региона, а также соседних субъектов Российской Федерации нефтяных месторождений и производственных мощностей российских нефтяных компаний. Одним из таких регионов является Красноярский край, на территории которого разведано около 30 месторождений нефти, включая Ванкорское нефтегазовое месторождение, сформирован мощный производственный потенциал, в том числе за счет предприятий ВПК, работают такие гиганты отечественного бизнеса, как ОАО «НК «Роснефть» и АК «Транснефть» [20]. В соседнем с Красноярским краем регионе, Иркутской области, также расположены предприятия по добычи нефти (ООО «Иркутская нефтяная компа-

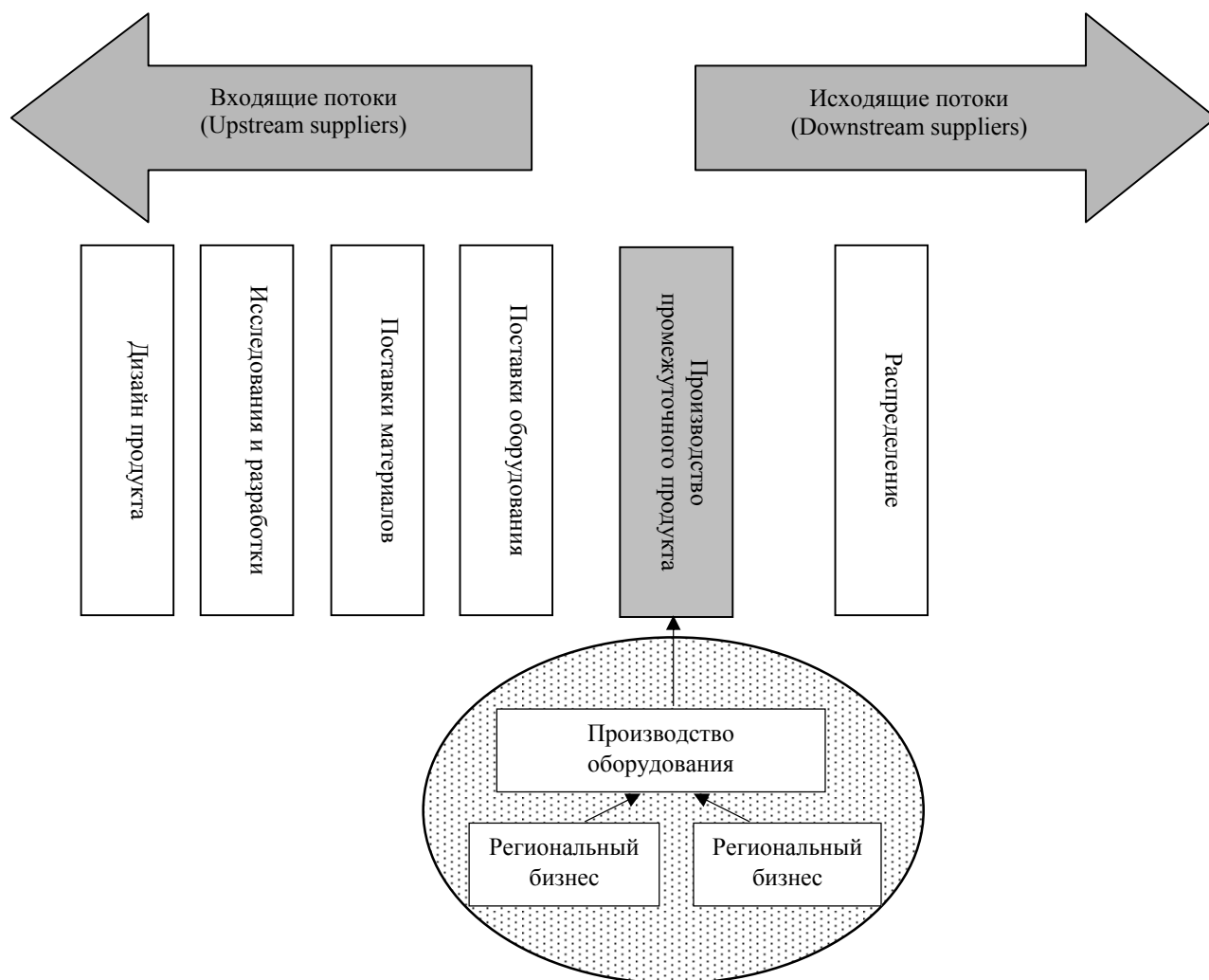

Рис. 4. Локализация процессов формирования ДС: формирование сети поставок

ния»). Особую актуальность в современной экономической обстановке приобретает разработка нефтяных месторождений на Арктическом шельфе, что в свою очередь требует соответствующего оборудования, которое до наложения санкций на российскую экономику со стороны США и стран ЕС предполагалось импортировать.

Рассматриваемые в рамках предлагаемой стратегии «усовершенствования» относятся к межсекторальным. Для регионов Восточной Сибири, экономика которых характеризуется небольшим внутренним рынком, а стоимость транспортировки готовой продукции до европейской части России и внешних рынков высока, они более приемлемы, чем «усовершенствование» продукта.

4. Локализация процессов формирования ДС на основе инициирования на уровне региона новой цепочки создания стоимости (рис. 5).

Выполнение определенных задач/функций в рамках ГЦСС не обязательно сопровождается дви-

жением к стадиям, генерирующим большую добавленную стоимость. С одной стороны, компании-лидеры, держатели мировых брендов и передовых технологий, заинтересованы в выполнении рутинных процессов более эффективными методами с меньшими затратами, с другой – они опасаются «вращивать» конкурентов [21]. История многих китайских компаний, например компании Huawei, яркий тому пример.

Инициирование новой цепочки создания стоимости, не связанной со стадиями ГЦСС, уже реализуемыми региональными компаниями, является одной из возможных стратегий локализации процессов формирования ДС, которая позволит существенно прирастить капитал региональной экономической системы. Однако реализация данной стратегии потребует значительных инвестиций в обучение, покупку высокотехнологичного оборудования, формирование в регионе креативной предпринимательской среды, соответствующей

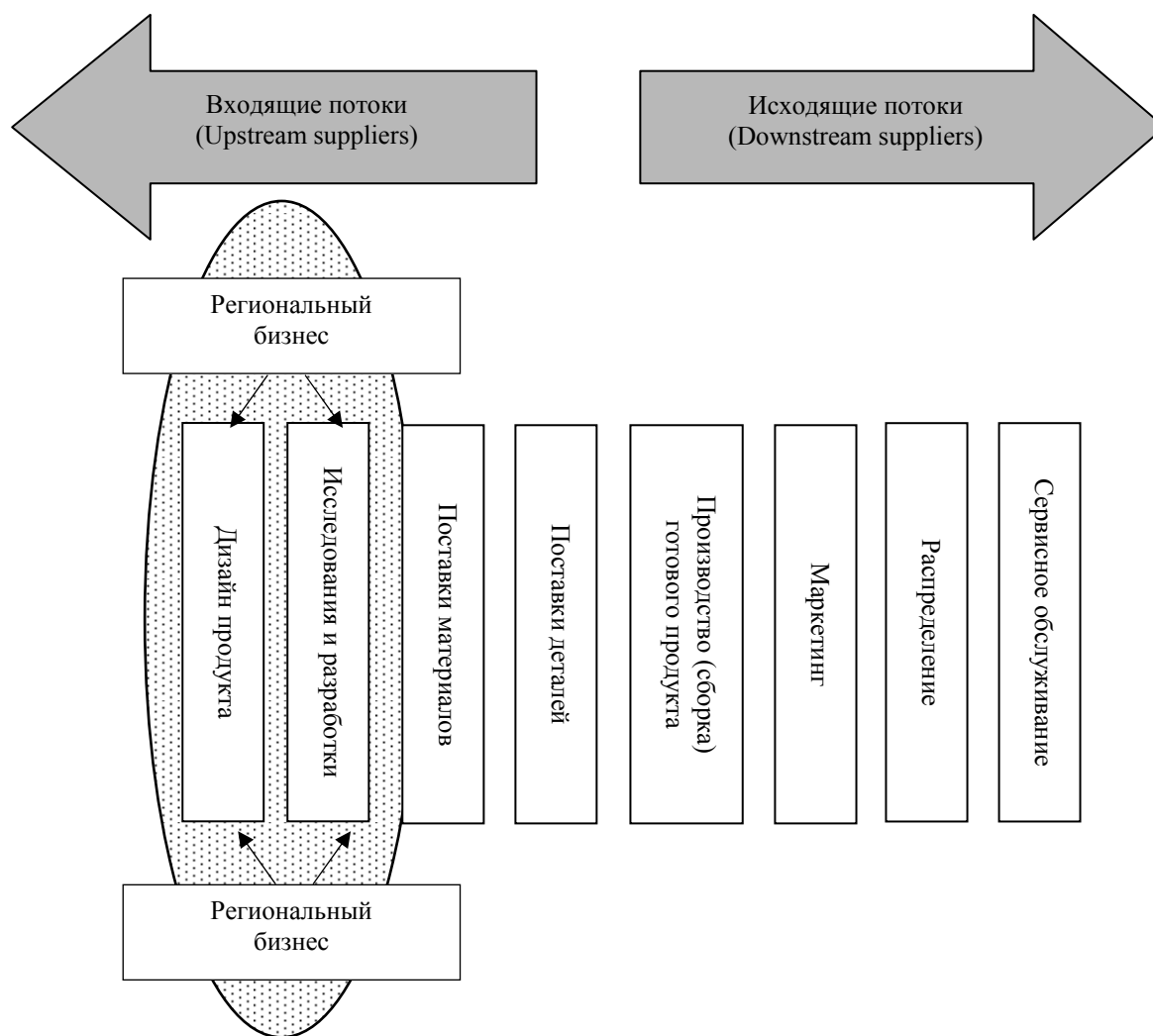

Рис. 5. Локализация процессов формирования ДС: инициирование новой цепочки создания стоимости

инновационной инфраструктуры. Это обусловливается тем, что инициирование новой цепочки создания стоимости начинается с таких стадий, как разработка товарного бренда, исследования, создание прототипа продукта и т. д.

Разработка и реализация рассматриваемой стратегии целесообразна для российских регионов с высоким научным потенциалом, а также наличием предприятий, входящих в оборонно-промышленный комплекс (далее – ОПК). Предприятия ОПК оказались среди отраслей и производств, сохранивших определенный потенциал роста после произошедшей структурной деформации экономики России. Учитывая поставленные перед ОПК цели по увеличению доли гражданской продукции до 30 % к 2025 г. и до 50 % к 2030 г., предприятия ОПК могут стать тем источником формирования новых товарных цепочек, который впоследствии будет иметь хорошие перспективы приобрести глобальный характер.

Механизм реализации указанных выше стратегий, на наш взгляд, должен быть разработан с учетом целей, ресурсов и имеющегося у основных «субъектов влияния» инструментария управленческого воздействия на процессы локализации формирования добавленной стоимости в рамках интеграции регионального бизнеса в ГЦСС. К числу данных «субъектов влияния» можно отнести не только государственные властные структуры регионального и федерального уровня, научно-исследовательские организации, малый и средний бизнес, часто значимые рычаги воздействия на развитие региональных хозяйственных комплексов находятся «в руках» у вертикально-интегрированных

корпораций. Целесообразно включение отдельных элементов указанных стратегий в инвестиционные планы крупнейших российских компаний, которые определяют не только состояние отдельных отраслей, но и экономики отдельных регионов (например, такие компании, как Роснефть, Газпром, РУСАЛ, НОВАТЭК и др.).

Использование предлагаемого в статье подхода по увеличению внутренней добавленной стоимости, формируемой в пределах региональной экономики в рамках участия в ГЦСС, позволит решить проблему эффективной интеграции отечественного бизнеса в систему международной кооперации. В настоящее время экономика регионов, активно вовлеченных в экспортно-импортные потоки, интегрирована в глобальные цепочки поставок и создания стоимости на стадиях, которые генерируют сравнительно небольшую добавленную стоимость. Международные компании рассматривают отечественную экономику либо как источник углеводородного сырья, металлов, либо как рынок сбыта для своей продукции. При этом положительные эффекты от участия в ГЦСС, а именно трансфер передовых технологий, знаний, компетенций, не столь значительны.

Учет разницы потенциалов экономик российских регионов, применение стратегии, адаптированной к потребностям и условиям конкретного региона позволит стимулировать развитие тех секторов региональной экономики, которые уже включены в существующие ГЦСС или имеют потенциал вхождения в новые ГЦСС на коммерчески выгодных стадиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shih S.* Me-Too is not my style: Challenge difficulties break through bottlenecks, create values / S. Shih. – Taipei : The Acer Foundation, 1996. – URL: www.cmlab.csie.ntu.edu.tw/~chenhsiu/reading/metoo.pdf
2. *Mudambi R.* Location, control and innovation in knowledge-intensive industries / R. Mudambi // *Journal of Economic Geography*. – 2008. – Vol. 8, iss. 5. – P. 699–725.
3. *Holste J. H.* Local Firm Upgrading in Global Value Chains: A Business Model Perspective / J. H. Holste. – Springer Gabler, 2015. – 64 p. – DOI 10.1007/978-3-658-09768-4.
4. *Ming Y.* Measuring Smile Curves in Global Value Chains / Y. Ming, M. Bo and W. Shang-Jin. – Institute of developing economies, 2015. – URL: <http://rigvc.uibe.edu.cn/docs/20160329210052329340.pdf>
5. OECD-WTO Database on Trade in Value-Added. December 2016. – URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=75537>
6. *Сидорова Е. А.* Россия в глобальных цепочках создания стоимости / Е. А. Сидорова // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62, № 9. – С. 71–80.
7. *Кондратьев В. Б.* Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости / В. Б. Кондратьев // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2015. – № 3. – С. 5–17.
8. OECD: Trade in Value Added. TiVA indicators: 2018 edition. – URL: <http://www.oecd.org/industry/ind/TIVA-2018-Russian-Federation.pdf>
9. *Дементьев В.* Включение отечественной экономики в глобальные цепочки создания стоимости : созидательный потенциал и риски / В. Де-

ментьев, Е. Устюжин // Российский экономический журнал. – 2016. – № 2. – С. 19–34.

10. *Filimonova N. M.* Research Trends in Global Value Chain: Possibility of Practical Use for the Russian Economy in Terms of Innovative Development / N. M. Filimonova, R. N. Fedosova, B. I. Kheifits // Social Interactions and Networking in Cyber Society / Gaol F., Hutagalung F. (eds). – Singapore : Springer, 2017. – P. 127–139.

11. Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2017 года / Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг», 2018. – URL: http://vid1.gian.ru/ig/ratings/rating_regions_2018.pdf

14. *Волкова М. А.* Встраивание экономики российских регионов в глобальные цепочки создания стоимости : факторы и условия / М. А. Волкова, Ю. В. Ерыгин // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2018. – № 6 (69). – С. 63–74.

15. *Бляхман Л. С.* Глобальные, региональные и национальные тенденции развития экономики России в XXI веке : избранные труды / Л. С. Бляхман. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2016. – 671 с.

16. Global Value Chain Development Report 2017. Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development. International Bank for Reconstruction and Development / World Bank, 2017. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvcs_report_2017.pdf

17. *Ерыгин Ю. В.* Включение региональной экономики в глобальные цепочки создания стоимости на основе государственного стимулирования инновационного развития / Ю. В. Ерыгин, М. А. Волкова // Сибирский журнал науки и технологий. – 2017. – Т. 18, № 4. – С. 968–975.

18. *Сафиуллин М. Р.* Построение и экономическая оценка производственно-технологических цепочек (на примере нефтегазохимического комплекса Республики Татарстан) / М. Р. Сафиуллин, А. А. Сафина. – Казань : Казан. ун-т, 2013. – 148 с.

19. *Каргинова В. В.* Стратегия создания стоимости при балансе интересов : от цепочки к сети / В. В. Каргинова, С. В. Тишков, А. П. Щербак // Вестник Томск. гос. ун-та. Экономика. – 2017. – № 39. – С. 24–39.

20. Инвестиционный паспорт Красноярского края 2017. Красноярский край – территория развития, регион для жизни. – URL: <http://krskinvest.ru/pages/pasport>

21. *Schmitz H.* Governance and Upgrading: Linking Industrial Cluster and Global Value Chain Research / H. Schmitz, J. Humphrey. IDS Working Paper 120, Brighton: IDS, 2000. – 37 p. – URL: <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/123456789/3466/Wp120.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева

Волкова М. А., соискатель ученой степени кандидата экономических наук

E-mail: wolfmarius@mail.ru

State Federal-Funded Educational Institution of Higher Professional Training «Siberian State Aerospace University named after academician M. F. Reshetnev»

Volkova M. A., Postgraduate degree seeker in Economics

E-mail: wolfmarius@mail.ru